

Хо Цунцзин тоже подавил выражение лица.

Он чувствовал, что Двенадцатый принц говорит правду.

Хо Цунцзин совершенно не разбирался в чиновничьих интригах и подковерных играх — весь его талант лежал в плоскости войны, а интуиция была развита просто превосходно.

Именно поэтому он отчетливо ощущал, насколько искренне прозвучали слова Двенадцатого принца о том, что тот готов умереть за него.

Это отчего-то жутко его раздражало.

— С какой стати ты тогда пытаешься торговаться со мной, используя убийство Сун Лэшаня? — не удержавшись от шпильки, бросил Хо Цунцзин, в чьей душе klokотало раздражение.

Раз уж ты готов за него умереть, неужели не смог бы помочь ему убить Сун Лэшаня?

— Я вовсе не торгуюсь, я просто сказал правду и надеюсь на вашу помощь, Ваше Высочество,
— Двенадцатый принц тут же сдал назад, перейдя даже на почтительный тон.

Такое поведение лишь сильнее разозлило Хо Цунцзина: «Что это значит? Выставляешь всё так, будто это я перед тобой стелюсь исключительно ради того, чтобы помочь Лю Чи?»

Однако спорить дальше Хо Цунцзин не стал. Ему не нравился Двенадцатый принц, но он понимал: только взошедший на престол Двенадцатый принц сможет сжить со свету Сун Лэшаня.

— Я помогу тебе. С сегодняшнего дня я — преданный сторонник партии князя Жуя, — не став больше тратить слов, бросил это обещание Хо Цунцзин и поднялся на ноги.

Лю Чи, волоча сломанную ногу, свернулся калачиком на полу; кровь, сочившаяся из плеча, пропитывала землю. С трудом подняв голову, он посмотрел на Сун Лэшаня, а тот как раз вытаскивал вторую стрелу, целясь в него. В глазах палача горело дикое, пьянящее желание причинять боль.

В тот день он разорвал в клочья это прекрасное создание, упиваясь звуками рвущейся ткани.

Хотя Лю Чи просил его не приходить, Хо Цунцзин все равно хотел его увидеть. Пусть даже Лю Чи отбыл, посидеть какое-то время в его комнате уже казалось благом.

Одно дело — заявить Лю Чи о своей поддержке Двенадцатого принца, и совсем другое — дать

такое обещание ему лично. Природа этих поступков была совершенно разной.

Покинув Резиденцию князя Жуя, Хо Цунцзин все еще чувствовал смутное раздражение на душе. Поразмыслив немного, он все же направился к Башне Ветра и Луны.

С тех пор Лю Чи навсегда исчез из аристократических кругов. Если бы не Двенадцатый принц, явившийся в Резиденцию Государственного наставника и забравший его, сломанную ногу Лю Чи даже не стали бы лечить. Выживи он тогда, все равно остался бы калекой.

— Лю Чи, Лю Чи...

В жару, в полубреду, он видел сны о прошлом.

Ему часто снилось, как Сун Лэшань сбивает его стрелой с коня. Возможно, из-за высокой температуры на этот раз падение не заставило его резко очнуться — даже парить вниз было легко и невесомо.

Если бы с малых лет Лю Чи был презренным и ничтожным, унижать его не имело бы никакого смысла. Лишь измываться над благородной душой по-настоящему увлекательно.

Гордый, безупречный Лю Чи, в чьих венах текла кровь Маркиза Юнчана, даже будучи растоптанным, выказывал упрямство, не поддающееся никаким описаниям.

Двенадцатый принц улыбнулся.

— Твоя мать — продажная девка. Так отправляйся же вслед за ней... будь и ты шлюхой, послушно раздвигающей ноги.

Именно в этом и заключался смысл его воспитания, задуманный Сун Лэшанем.

С этого момента Генерал, подавляющий Восток, действительно стал знаменем партии князя Жуя — или, вернее сказать, фракции Двенадцатого принца.

Сун Лэшань был примерно таким же. Он находил извращенное удовольствие в падении людей с вершин власти, любил лишать гордецов их достоинства. А Лю Чи был тем самым шёлковым отрезом, на создание которого он потратил годы ожидания.

Лю Чи пока еще ничего об этом не знал.

Чья-то рука касалась его лба, источая приятную, освежающую прохладу, и голос звучал так знакомо.

Лю Чи должен был умереть в ту ночь.

Говаривали, будто в древности жил один безумец, любивший слушать, как рвется шелк, и потому он нанимал людей, чтобы те каждый день рвали дорогие ткани ради забавы.

А когда его нога наконец зажила, Сун Лэшань отправил его в Башню Ветра и Луны.

Отупев от жара, Лю Чи наполовину приоткрыл глаза, не понимая, спит он или уже проснулся.

— Ты горишь, — Хо Цунцзин приподнял его за плечи, завернул в одеяло и ласково уговорил: — Выпей лекарство.

Кривая горькая жижа в пиале испускала пар, от которого затуманенный лихорадкой мозг Лю Чи немного прояснился.

Прижавшись к груди Хо Цунцзина, он одновременно пылал от жара и слегка подрагивал от холода. Тихонько спросил:

— Почему ты пришел?

— Я вообще-то заглянул просто так. Думал, если тебя нет, посижу чуток и уйду... Кто же знал, что ты свалился с температурой и даже лекарство выпить не можешь... — Хо Цунцзин обнял его крепче, заговорив мягче: — Сначала выпей отвар.

В полубессознательном состоянии Лю Чи прижался губами к краю пиалы и принялся мелкими глотками пить лекарство.

Алый от жара личик, опущенные ресницы — в этом образе было нечто невыразимо нежное и послушное.

А когда он болеет, становится даже удивительно милым... — промелькнуло в голове у Хо Цунцзина. Поставив пиалу на стол, он взял с блюда кусочек цуката и поднес к его губам: — Будешь?

Лю Чи впился зубами в лакомство и принялся вяло пережевывать его во рту.

Глядя на его чуть надувшиеся щеки и лениво прищуренные глаза, Хо Цунцзин почувствовал, как нахлынувшее раздражение мгновенно улетучилось, сменившись тихим, почти детским умиротворением.

— С чего это ты вдруг заболел? — спросил он, присев на край кровати и касаясь лба Лю Чи. — Простудился, не уследил?

— Не знаю... — Лю Чи закрыл глаза и, послушно прильнув щекой к его ладони, устроился поудобнее: прохладная рука Хо Цунцзина приносила такое облегчение его раскаленному телу.

В таком виде он способен растопить чье угодно сердце, не говоря уже о Хо Цунцзине, который и без того был по уши влюблен. Сейчас от подобных проявлений ласки он чувствовал себя готовым раствориться.

— А что у тебя с рукой? — небрежно бросил Хо Цунцзин, словно невзначай.

На самом деле, переступив порог, он сразу заметил брошенную на полу одежду со зловещими, бросающимися в глаза пятнами крови. Его едва не хватил удар, но, заметив, что Лю Чи повредил лишь руку, да к тому же та аккуратно перевязана, он решил, что тот, должно быть, просто случайно порезался.

— Пустяки, неосторожно задел. Обычный порез, скоро затянется, — улыбнулся Лю Чи. Из-за лихорадки в его глазах стояла легкая пелена тумана, что в сочетании с яркими чертами лица выглядело поистине завораживающе. — Ложись-ка со мной, побудь рядом.

Хо Цунцзин кивнул.

— Не забудь раздеться, — с улыбкой добавил Лю Чи.

Хо Цунцзин чуть приподнял бровь, но возражать не стал. Просто встал у кровати и стал один за другим сбрасывать с себя одежды прямо перед ним.

Фигура у Генерала, подавляющего Восток, была великолепной: широкие плечи, узкая талия, рельефные, упругие мышцы. Шрамы, покрывавшие его тело, придавали ему особую, мужественную привлекательность.

Быстро нырнув под одеяло, Хо Цунцзин крепко прижал Лю Чи к себе, боясь, что тот простудится.

Ощувив приятную прохладу его тела, Лю Чи без всякого смущения целиком зарылся в его объятия, лениво прикрыв глаза.

Хо Цунцзину нравилось такое его поведение. Одной рукой обнимая его за талию, а другой перебирая пряди волос, он тихо проговорил:

— Я навещал сегодня Двенадцатого принца. Спросил его о тебе и Сун Лэшане.

— Мм. — Лю Чи уткнулся лицом ему в грудь, используя рельефные мышцы Генерала в качестве компресса, чтобы остудить разгоряченную кожу. Он не придавал этому разговору особого значения — в конце концов, скрывать свои отношения с Сун Лэшанем от Хо Цунцзина он и не

собирался.

Хо Цунцзин легко коснулся губами его макушки и продолжил:

— Я пообещал Двенадцатому принцу, что отныне буду поддерживать партию князя Жуя.

Лю Чи приподнял голову и ошарашенно уставился на него.

Разумеется, Лю Чи прекрасно понимал разницу между обещанием Хо Цунцзина помочь Двенадцатому принцу ради него самого и добровольным заключением союза между ними.

Раньше Хо Цунцзин мог вмешаться, а мог и остаться в стороне — во всяком случае, открытым врагом он не выступал. Теперь же он полностью влился в ряды сторонников Двенадцатого принца, открыто представляя интересы его фракции.

Покрутив эту мысль в отупевшем от болезни мозгу, Лю Чи обвился руками вокруг шеи Хо Цунцзина, подтянулся выше — половина его белой кожи обнажилась из-под одеяла — и, запрокинув голову, припал к его губам.

Сладковато-кислый привкус фруктов смешался с горечью лекарства.

За все время они сближались едва ли пару раз, и сейчас, прижавшись друг к другу обнаженными телами, Хо Цунцзин от одного только его поцелуя залился краской.

— Мне кажется, я весь горю. Не хочешь попробовать? — прошептал Лю Чи, щекоча его щеку и утыкаясь губами прямо в ухо. — Только сил у меня нет, двигаться придется тебе самому.

Хо Цунцзин запихнул его обратно под одеяло, ухватил за щеки и сурово пригрозил:

— Неужели я в твоих глазах такая тварь?

Чтобы я в разгар болезни и лихорадки стал торговаться с тобой и принуждать к постели?!

Пальцы Хо Цунцзина сжали кожу чуть сильнее, чем следовало, но от тепла его ладони по лицу разлилось приятное тепло. Остолбенело глядя на него, Лю Чи вдруг сообразил, что, кажется, сморозил глупость.

Потому что в глазах Хо Цунцзина впервые мелькнула боль.

Честно говоря, Лю Чи даже не думал об этом. В его затуманенном лихорадкой мозгу просто не умещалось столько сложных размышлений; услышав слова Хо Цунцзина, он лишь машинально решил, что должен отплатить ему за услугу.

А единственное ценное, что он мог предложить Хо Цунцзину — это он сам.

Но вышло так, что он лишь ранил его.

Лю Чи, впервые столкнувшийся с подобным, понятия не имел, как себя вести. Привыкший иметь дело лишь с теми, кто мыслит категориями выгоды, он совершенно растерялся, столкнувшись с человеком, ставящим во главу угла чувства.

Рана на левой руке снова заныла, голову пронзила тупая боль, а озноб сменялся жаром. И в этот момент Лю Чи охватило полное безразличие ко всему.

Мне самому паршиво до смерти, с какой стати я должен ломать голову и успокаивать чужие обиды?

Стоило ему моргнуть, как из затуманенных влагой глаз покатались слезы.

Больному человеку всегда так легко заплакать.

Хо Цунцзин испугался не на шутку. Он мгновенно разжал руки, прижимая парня к груди и спешно утирая сбегающие дорожки слез.

— Ты чего реवेशь... Не надо, не плачь, я же не сержусь на тебя...

А ведь секунду назад вид у него был самый что ни на есть сердитый.

Прижавшись щекой к его широкой груди, Лю Чи мысленно фыркнул.

При этом слезы продолжали капать сами собой, придавая ему такой обиженный, жалобный вид, что казалось, будто он и сам не понимает, отчего ему вдруг стало так горько.

Повозившись со слезами Лю Чи добрую половину вечности и перепробовав все уговоры, Хо Цунцзин наконец смог уложить его обратно в постель, где тот, всхлипывая, вновь провалился в сон.

Выпитое лекарство подействовало безотказно: сон выдался на редкость крепким и долгим, так что очнулся Лю Чи лишь на рассвете следующего дня.

Опираясь на единственную здоровую руку, он медленно приподнялся, прижимая к груди одеяло, и какое-то время ошоловело смотрел перед собой, постепенно осознавая, что же он вчера натворил.

Надо же было додуматься — от нежелания разбираться в ситуации зарыться в чужие объятия и реветь навзрыд...

Лю Чи закрыл лицо ладонями, чувствуя, что последние остатки его гордости перед Хо Цунцзином окончательно растоптаны.

Не успел он толком предаться угрызениям совести, как дверь отворилась. На пороге стоял Хо Цунцзин с миской каши в руках, и их взгляды тут же встретились.

<http://bllate.org/book/21314/2162819>